

УДК 327(44:497):94(100)"1939/45":94(497.1)
DOI 10.52452/19931778_2025_1_45

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СЕРБИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ В 1944–1945 гг.

© 2025 г.

А.Ю. Тимофеев

Институт новейшей истории Сербии, Белград, Сербия
Белградский университет, Белград, Сербия

atimofej@f.bg.ac.rs

Поступила в редакцию 05.05.2024

На основании архивных фондов Управлений государственной безопасности Сербии и Белграда рассматривается вопрос о том, какова была судьба русской эмиграции в Сербии в первые месяцы после освобождения страны от немецких оккупантов. Анализируется процедура первичной фильтрации СМЕРШ и дальнейшая работа югославской контрразведки. Автор приходит к выводу о том, что советские структуры в освобожденной Югославии были более избирательны по сравнению с югославскими коллегами. Более того, советские офицеры и дипломаты выступали в защиту русских эмигрантов, считая, что последовательные коллаборационисты ушли вместе с немцами до осени 1944 г., а оставшееся в стране большинство – сторонники левых идей и молчаливое большинство, в чьих рядах были нелегалы и сочувствующие титовским партизанам и СССР. Первый год после освобождения Сербии был сложным, однако большинство эмигрантов смогли его пережить и приспособиться к новой власти в Югославии.

Ключевые слова: советско-югославские отношения, русская эмиграция в Сербии, история органов государственной безопасности, ранняя история холодной войны.

Конец русской эмиграции в Югославии представляет собой интересное и до сих пор не изученное явление, избегаемое не только историками, но и самими эмигрантами [1–7]. Речь идет об очень болезненной странице русско-сербских отношений, которая, несомненно, заслуживает особого внимания [8; 9]. Отчет о русских эмигрантах на территории Народной Республики Сербии по состоянию на 1955 г. в рамках подготовки к встрече Тито и Хрущева демонстрирует их численность в этом периоде. Согласно отчету, в 1941 г. на территории будущей Народной Республики Сербии проживало 14 596 русских, к 1945 г. их число составляло 9 644 человек [10, л. 678–679].

Что пережили эти люди с осени 1944 г. до конца 1945 г. и каким был их исторический коллективный опыт после общей радости от освобождения [11]? Кто пытался их защитить и кто оказывал на них максимальное давление?

В городах Восточной и Центральной Сербии, освобожденных до того, как Красная армия и партизаны изгнали из Белграда немецких оккупантов, – там, где действовали советские войска, – процессы первичной фильтрации русской эмиграции можно рассмотреть на примере города Парачина, в котором на момент освобождения проживало вместе с пригородами около десяти тысяч человек и около сотни эмигрантов. Красная армия вошла в Парачин почти без

боя 13 октября 1944 г. Вечером того же дня в город прибыли представители военной контрразведки «Смерть шпионам» (СМЕРШ). По описанию одного из свидетелей, это были майор Иванов и еще пятеро офицеров и сержантов. После формирования новых властей офицеры запросили у Городского народного комитета (ГНО) списки немцев, поляков, членов Культурбунда (союза немецкого национального меньшинства) и русских эмигрантов, проживающих в городе. Помимо общих данных (фамилия, имя, место и год рождения) в списки включались также сведения о роде деятельности и поведении во время войны. Данные списки были сопоставлены с советскими, после чего некоторые представители русской эмиграции вызывались на разговор, реже – заключались в следственный изолятор. «Разъяснительные беседы» велись днем и ночью, для редких вылазок в город использовались закрытый «воронок» или мотоциклы. На первый взгляд казалось, что «у них уже были люди, которые знали о месте проживания интересующих лиц, и через своих людей они приглашали на допросы всех кого хотели» [12, л. 9]. Однако последующее расследование органов Управления государственной безопасности (УДБ) показало, что вся работа строилась не на исчерпывающей предварительной оперативной информации, а на эффективной и тщательно продуманной процедуре филь-

трации и обработки местного населения. Уже на следующий день после прибытия в город (т.е. на второй день после освобождения) сотрудники СМЕРШ начали «по-горячему» приглашать отдельных русских эмигрантов и расспрашивать их о деятельности русских организаций в городе, наборе в РОК (коллорабационистский Русский охранный корпус) и об оставшихся в городе русских. Сравнивая полученные данные, они писали детальные схемы и отчеты, таким образом выходили на новые имена. Только тогда был задействован городской барабанщик-глашатай. По городу было объявлена весть о приглашении всех русских в советскую военную комендатуру в местном стекольном заводе. Абсолютное большинство русских эмигрантов пришли на собеседование сами, опасаясь последствий неявки. Для повторного опроса приглашали лиц, данные которых требовали дополнительной разработки. Таким образом, очень быстро (в течение нескольких дней) сотрудники СМЕРШ получили полное представление о жизни русской колонии в городе. В то же время они посещали контрразведчиков Народно-освободительной армии Югославии в местной комендатуре, где также собирали информацию по интересующим их местным вопросам, имели доступ к картотеке регистрации места жительства в ГНО и проверяли данные по отдельным русским эмигрантам. На основании этих уточнений СМЕРШ за сотрудничество с оккупантами были расстреляны двое местных жителей и русских эмигрантов, а около десятка местных немцев и эмигрантов были задержаны и увезены из города в освобожденный Белград (откуда они не вернулись) для дальнейшей разработки. Однако число расстрелянных СМЕРШ после расследования, по мнению местных партизанских властей, было слишком малым, а число оправданных слишком большим. Позже они сетовали на то, что «не все те, кто сотрудничал с оккупантами, были ликвидированы, и последствия были ощутимы» [12, л. 16–17, 34, 37, 43, 48]. Было очевидно, что оставшиеся жители Парачина (не только власти, но и соседи) обычно не были знакомы с причинами этих решений офицеров СМЕРШ [10, л. 223–224]. При этом приглашенные на допрос были поражены скоростью принятия решений. Так, один из русских эмигрантов, Юрий Васильевич Юрицын (род. в 1900 г. в Геническе, отец троих детей, работал на суконной фабрике), позднее вспоминал, как однажды его вызвали на беседу в контору стекольного завода; там находились два офицера, один из которых задавал вопросы, а другой делал заметки. Расспрашивали, как и почему Юрий Васильевич уехал из России, был ли он членом

белого движения, кто из родственников проживает в СССР и за рубежом. Уточнили, чем он занимается и где работает: «...допрос длился 15 минут. Под конец офицеры уже шутили и сказали, что расстреляют нас за участие в белом движении, и рассмеялись. Затем нас просто отпустили, но через другую дверь – чтобы не встретиться с другими русскими в зале ожидания» [12, л. 56]. Оказалось, что в процессе «филтрации» в освобожденных городах подразделения СМЕРШ не преследовали участников Гражданской войны 1918–1922 гг. в России за участие в формированиях белых в тот период, а также за участие в организациях, которые были заняты лишь увековечением памяти о русской императорской армии.

Основанием для задержания могло стать участие в организациях, которые в межвоенный период (после 1927 г.) продолжали бороться с советской властью путем терроризма либо сотрудничали с коллаборационистскими военными и полицейскими частями во время Второй мировой войны. В ходе «филтрации» на допросе во Врнячкой Бане в ноябре 1944 г. местный художник-пирограф Борис Скачинский напрямую спросил следователя лейтенанта Агаркова (бывшего пограничника): «понесет ли он ответственность за участие в белогвардейском движении против большевиков. На что тот ответил, что если за мной не было никакой вины за времена оккупации, то мои прежние ошибки были амнистированы еще в 1927 г.» [10, л. 15–16]. Имелось в виду постановление Президиума ЦИК СССР (т.е. советского правительства) от 2 ноября 1927 г., которым в десятую годовщину Октябрьской революции была объявлена амнистия всем лицам, осужденным и находившимся под следствием за «контрреволюционную деятельность, имевшую место во время Гражданской войны до 1 января 1923 г.» [13].

После завершения филтрации в первые дни после прихода в освобожденные города советские органы безопасности формировали оперативно-агентурную сеть, которая в значительной мере опиралась на местных эмигрантов. Городское отделение СМЕРШ в Парачине располагалось в просторном частном доме, занимавшем три комнаты. Офицерский состав состоял из трёх офицеров – майора 55 лет, капитана около 45–50 лет и младшего лейтенанта 25–30 лет. Средняя комната использовалась как прихожая и комната ожидания, единственной мебелью там была вешалка для одежды. В одной из боковых комнат стояли кровать, кресло и стол, заваленный бумагами. В этом кабинете спал и работал майор. Во второй боковой комнате, меньшей по размеру, была только кровать; она

использовалась капитаном, а лейтенант жил в городе. Допрос проводился майором или капитаном в комнате майора в присутствии младшего лейтенанта, печатавшего на машинке. В начале работы был составлен предварительный список из 32–33 оперативно значимых лиц с фамилиями, именами и домашними адресами. Офицеры просыпались в 9 утра и сразу начинали допросы, на которые приглашали людей через курьера или его помощника. Майор «отмечал имена лиц из списка», чтобы их вызвали, а получившему уведомление лицу надлежало без вопросов явиться на беседу. Допросы длились несколько часов, с 11 утра до поздней ночи. На допросы вызывали мужчин и женщин, молодых девушек и стариков, причем приходили и целыми семьями, по очереди – братья, сестры, дети и родители. Иногда во время разговора допрашивавшие «повышали голос и громко кричали». С допросов одни выходили веселыми и смеющимися, а другие – «раскрасневшимися и растерянными». В отличие от ноября, за весь декабрь 1944 г. не было зафиксировано ни одного расстрела или даже задержания подследственных. Речь шла о регулярной работе с информаторами и сборе данных о ситуации в городе [9, л. 39–43].

Похожая фильтрация СМЕРШ была проведена в Чуприи, где уже 13 октября, сразу после ввода войск в город, начались вызовы и допросы эмигрантов. Сначала вызвали на краткосрочные допросы «почти всех русских эмигрантов, а затем содержательно побеседовали с ними», задавая не только общие вопросы, но и вопросы о местной политической, экономической и социальной ситуации. Таким образом собирались не только данные о положении на местах, но и уточнялись характеристики опрашиваемых (их объективность, обстоятельность в ответах, скрытность и собственное стремление чем-то поделиться). Впоследствии некоторые из них вызывались вновь, ночью, без привлечения внимания посторонних. Разными способами (от давления и угроз в адрес «предателей» до обещаний «счастливого будущего по возвращении на Родину») вербовали информаторов и переводчиков, получая от всех расписки о сотрудничестве. В этом процессе СМЕРШ мало заботило довоенное прошлое, офицеры которого не рассчитывали на идеологическую лояльность эмигрантов в довоенный период (с учетом малого числа левых среди эмигрантов). Отмечено несколько случаев, когда офицеры СМЕРШ помогали русским эмигрантам в освобождении родственников или знакомых из следственного изолятора ОЗН (так называлась партизанская спецслужба в 1944–1946 гг.) В

иных случаях им удалось предотвратить типичные для первых дней после освобождения «бессудные репрессии» партизан против «буржуазных элементов», если становилось известно о присутствии среди них эмигрантов [14, л. 1–2, 83].

Однако не стоит думать, что фильтрация была полностью бескровной. Особенно жестко она проводилась в районах Воеводины, бывших в зоне венгерской оккупации. Оперативно-следственная группа СМЕРШ в Сомборе работала в городе с октября 1944 г. до февраля 1945 г. Русская община в городе насчитывала около двухсот человек, которые были полностью опрошены до декабря 1944 г. После этого 18 эмигрантов были задержаны и увезены в неизвестном направлении. Только один из них ответил позже письмом, которое отправил 1 октября 1945 г. своей знакомой в Сомбор из лагеря в Кемеровской области. Это было первое и последнее письмо от людей из всей этой группы [15, л. 132–133].

В случае нахождения в населенном пункте лиц, представляющих оперативный интерес, их быстро обнаруживали и лишали свободы. Показательна судьба генерал-майора Б.Н. Литвинова (1872–1945). Когда офицеры РОК предложили ему эвакуироваться, Литвинов отказался, так как был пассивен в годы Второй мировой войны. Он также добавил, «что приход красных будет временным, что они никому ничего не сделают, что старые времена забыты, что за ними придут англичане и король Петр». Старик, которому на тот момент исполнилось 72 года, был задержан офицерами СМЕРШ и умер в лагере. В лагере Явас в Мордовии (СССР) в возрасте 65 лет оказался и полковник Р.К. Дрейлинг (1880–1945), который также надеялся, что преклонный возраст и невмешательство в политику во время оккупации спасут его от нежелательных последствий. Однако он был задержан через несколько месяцев после освобождения Белграда. Больше повезло 60-летнему генералу В.М. Ткачеву (1885–1965), сумевшему пережить десятилетнее пребывание в лагерях НКВД. Впрочем, в годы войны он не был пассивен, так как был главой школьного отдела Управления по делам русской эмиграции. Он выжил, в отличие от его сербского коллеги В. Йонича (1892–1946), расстрелянного за выполнение той же функции в оккупированной Сербии [15, л. 280; 16].

Подробнее процесс насильственного «возвращения» на Родину можно рассмотреть на примере В.В. Шульгина (1878–1976). Б.Н. Щербаков, русский эмигрант из Сремских Карловцев, работавший помощником переводчика в НКВД, вспоминал, как по-отшельнически жил в

этом городке с 1930-х гг. этот известный дореволюционный политик и депутат Думы, участвовавший в отречении Николая II. По словам Щербакова, «однажды утром, когда он собирался за молоком, какие-то русские сотрудники НКВД поймали его и куда-то увезли, с тех пор о нем ничего не слышали. Ни о Шульгине, ни о его работе, ни о его жизни в целом жителям города больше ничего не было известно. Жена его осталась в Сремских Карловцах до 1948 г., а затем покинула их и переехала в неизвестное место» [17, л. 6]. На самом деле после задержания 24 декабря 1944 г. Шульгин был вывезен на корабле в Нови Сад, далее на мотоцикле увезен в Венгрию, откуда его самолетом переправили в Москву, где осудили за антисоветскую деятельность после 1927 г. [18–20].

В случае если советских войск в городе было сравнительно мало, а подразделений НОАЮ значительно больше, то фильтрацией эмигрантов (особенно в городах с крупными колониями) могли заниматься местные структуры ОЗН.

В Белграде процесс фильтрации русских эмигрантов не находился в руках СМЕРШ полностью, как это происходило в небольших городах Восточной Сербии и Воеводины. Советская власть имела дело только с наиболее интересными персонами в столице, оставив остальное коллегам из ОЗН. Задержанных ОЗН доставляли в лагерь Баница, который после освобождения использовался новыми властями для содержания под стражей и расстрелов политических врагов. Так, в лагерь Баница попали и были там без суда расстреляны задержанные 3 ноября 1944 г. адвокат Сергей Никифоров, студент Николай Суханов и другие [21; 22]. Суть обвинений указанных лиц (и им подобных) можно уточнить из доноса, написанного на адвоката Сергея Никифорова соседом по дому Райко Йоксимовичем, «сотрудником главной кооперативной кассы». По словам Йоксимовича, «одна из самых возмутительных вакханалий, а пожалуй, и самая возмутительная, была организована в тот день, когда весь патриотический Белград дышать не смел от скорби и ужаса, вызванных повешением пятерых патриотов-коммунистов на Теразиях (17 августа 1941 г.) вскоре после объявления Германией войны СССР. В ту ночь, пока окоченевшие тела еще висели на Теразии, а Белград дрожал от страха, у него в квартире царили веселье и песни, продолвшиеся всю ночь и превратившиеся к утру в звериные крики. Всю ночь его соседи и глаз не сомкнули от ужаса и из-за яростных воплей с вакханалии. Я упоминаю об этом как о примере, иллюстрирующем всю их семью – все как один они завывали как свора собак, все участвовали в

этом пьяном угаре, предвкушая возвращение в оккупированную немцами Россию и крах большевизма. Надеюсь, что упомянутое лицо уже понесло наказание за все это». Надо добавить, что речь шла о дне рождения С. Никифорова, заключенного в тюрьму и казненного в лагере Баница в ноябре 1944 г. Причиной доноса было желание его соседа, Р. Йоксимовича, прибрать к рукам «лишние вещи», оставшиеся у матери задержанного адвоката Марии Никифоровой и его сестры Натальи Лузиной, так как женщины продолжали жить в той же квартире [23]. Стоит отметить также, что такие письменные заявления были редки, поскольку обычно достаточно было и устного заявления доверенного лица местному уполномоченному ОЗН.

Число эмигрантов, арестованных советскими властями, уступало результатам массовой фильтрации, проводимой новыми югославскими властями. Первая массовая волна репрессий ударила по «великосербской буржуазии» сразу после освобождения Белграда (октябрь–ноябрь 1944 г.), о чем свидетельствуют документы Государственной комиссии по тайным захоронениям погибших после 12 сентября 1944 г. при Министерстве юстиции Сербии [24]. Судьба большей части задержанных была туманна. Так, к примеру, бывшая хозяйка дома К. Маринкович заявила в августе 1945 г. по вопросу о конфискации вещей расстрелянной супруги сотрудника немецкой военно-строительной организации Тотда: «Я лично знала Евгения и Елену Нусановых из ул. Кондина, 15 и видела, что он приходил в немецкой форме, но не могу сказать, где он работал. Я также знаю, что Евгений уехал с немцами, а его жена Елена осталась в квартире. Когда пришла НОАЮ, Елену задержали, и больше ее никогда не видели. Я не знаю, кто ее задержал, но видела солдата с винтовкой и человека в гражданском, они ее увели» [25].

Одним из важных источников подобной информации являются записи русской церкви Св. Троицы на Ташмайдане. Разумеется, в них есть упоминания только о единичных случаях: тех эмигрантах, чьи родственники получали тела после казни, присутствовали при похоронах и имели смелость продиктовать имена своих близких для записи в церковные книги после октября 1944 г. с припиской «расстрелян». Из шести русских эмигрантов, открыто записанных в церковных книгах как расстрелянные, известна вина только одного – И.А. Яковлева (1884–1944), бывшего полковника Императорского российского Генерального штаба, вступившего в РОК. Он служил адъютантом штаба корпуса, а с 30 октября 1942 г. стал главным инспектором РОК. Яковлев покинул РОК после передачи

корпуса вермахту в конце 1942 г. и с тех пор жил как гражданское лицо. Он был задержан сразу после освобождения и расстрелян в декабре 1944 г. О четырех других лицах кроме имен, дат жизни и указания на факт расстрела сведений нет [26; 27].

В конце ноября 1944 г. руководство ССП направило в белградскую «Озну» просьбу улучшить отношение новых властей к русским эмигрантам. Лебедев и Чернышев писали: «В эти дни командование города Белграда распорядилось о регистрации русских эмигрантов в рамках регистрации иностранных граждан. Все отозвавшиеся русские были задержаны и отправлены в тюрьму без предварительного слушания и допроса... Мы берем на себя ответственность и от имени русской группы, объединившейся в подпольную организацию во время оккупации – Союз Советских Патриотов, во имя всего общечеловеческого и справедливого обратиться к Вам с разъяснением по этому поводу. Мы считаем, что все русские, которых можно считать военными преступниками, бежали вместе с оккупантом, потому что им не с руки было дожидаться прибытия НОАЮ и Красной армии. Остались лишь те, кто считает, что не имеет грехов перед сербским и русским народом, потому что всегда были лояльны, многие и вовсе были яркими антифашистами» [28]. Трудно сказать, было ли принято во внимание это обращение, однако большая часть эмигрантов вскоре после него была освобождена из тюрьмы.

По всей Центральной Сербии процесс партизанской «чистки буржуазии и поделщиков оккупантов» (в их число поголовно включали всю эмиграцию) проходил быстро и беспорядочно. Например, бывший учитель гимназии Виктор Оберемок умер от побоев в Лексоваце в тюрьме ОЗН. В том же городе Георгий Безуглов (во время войны работавший на почте в Белграде) был отправлен партизанами на расстрел, но на пути группы смертников и расстреливавших встретилась группа советских офицеров, которые вырвали его из рядов смертников. Его жизнь была спасена в последний момент, для сохранения ее Безуглова временно выслали в Белград [29, л. 1]. В Валево после освобождения партизаны задержали и почти сразу расстреляли по неизвестным причинам учителя городской средней школы Василия Альтова [30, л. 10].

В Воеводине внесудебные репрессии по признаку принадлежности к сообществу «белоземляков» продолжались до весны 1945 г. Процесс фильтрации здесь во многих случаях дополнялся практикой расстрелов из мести, которую иногда практиковали партизаны против

«нежелательных групп» в первые дни после освобождения. Возникновение расстрелов из мести среди партизан (несмотря на негативную официальную советскую реакцию на эти события) описал в своих воспоминаниях советский офицер политотдела 57 армии Б.А. Слуцкий: «Я помню одно объявление в Панчево: немцы, жители города Панчево, отравили вином 9 солдат Красной Армии. В ответ были расстреляны 250 немцев, жителей Панчево». По словам Слуцкого, это была устоявшаяся практика партизан (так он называл НОАЮ) в освобожденных населенных пунктах; ее с критикой описывали в своих докладах и служащие советских политических органов [31, с.65].

В Петровграде (нынешний Зреняине) фильтрацию осуществляли местные органы новых югославских властей. На рассвете 6 декабря 1944 г. югославские солдаты ворвались в русские дома, поднимали людей из кроватей, арестовывали всех, даже детей. Им не разрешили брать с собой из дому ничего, даже полотенца или карманной расчески. Некоторым удалось на свой страх и риск пронести кольцо, крестик или немного денег. Их вывезли за город, в пустое помещение фабрики по производству растительного масла. Огромная комната без потолка, с белыми от инея стенами, протекающими сверху. Условия были ужасными. Люди были в полной растерянности, они не понимали, что происходит. Дети плакали. Заключение в лагере длилось почти полгода, когда из Белграда пришел приказ об ускоренной фильтрации и роспуске лагеря [32, с. 98–99]. Ту же процедуру (вывоз всего русского населения в лагерь и его фильтрация в лагерных условиях) югославские власти провели в Нови Саде, где ОЗН организовал специальный «гражданский лагерь» с целью временного содержания и фильтрации гражданского населения [15, л. 10].

Очень показателен случай с «расстрелом из мести» в Белой Церкви. Он был ответом на расстрел членов партизанских отрядов, нелегалов и сторонников партизан 26 февраля 1943 г. и 24 мая 1943 г. Расстрелянных сторонников движения сопротивления хоронили в общей могиле, которая была отмечена после войны как памятник и сохранилась в полуразрушенном состоянии до наших дней. В основном убитые были сербами, но также и представителями других народов Воеводины, среди них один русский – кубинский казак Ефим Чубенко. В качестве мести в Белой Церкви (после прихода партизанских властей осенью 1944 г.) были убиты и русские жители города.

Большая часть воспитателей и преподавателей Русского кадетского корпуса в Белой Церк-

ви не эвакуировались со своими курсантами в сентябре 1944 г., а остались в своих домах [33, с. 89–91; 34]. С 21 по 29 сентября 1944 г. частям 46-й армии удалось совершить чрезвычайно быстрый и хорошо организованный марш, пересечь горы Трансильвании и неожиданно для верховного командования вермахта выйти к югославо-румынской границе в район Модош, Брасац, Белая Церковь [35]. В самой Белой Церкви 49-я стрелковая дивизия из состава 10-го гвардейского корпуса 46-й армии встретила незначительное сопротивление немецких войск и уже 2 октября выдвинулась на позиции у деревни Загайица, обойдя Вршац с юга и оставив Белую Церковь в тылу [36]. Членам местных комитетов партии (КПЮ) и комсомола (СКОЮ) южного Баната было приказано перебраться в освобожденную Белую Церковь лишь 2 октября [37, с. 543, 544]. Город имел значительную долю местного немецкого населения, а партизанское подполье здесь было крайне слабым [37, с. 580].

Новая власть мало понимала в различиях между школьными учреждениями Кадетского корпуса и немецкой Вспомогательной полиции, которая и преследовала партизан. Даже в монографии, опубликованной через три десятилетия после событий, автор путал «белогвардейцев», «власовцев» и «казаков», говоря о фантастических «казачьих частях из кадетского корпуса, составленных из беглых русских белогвардейцев, живших в Югославии» [37, с. 190, 441, 443, 447, 511, 522].

В ходе первичной фильтрации СМЕРШ арестовал несколько русских эмигрантов, но после допроса их отпустили. Освобожденные вскоре были задержаны «Озной». В середине ноября новые власти задержали и расстреляли около пятидесяти видных русских жителей города, среди которых были также несколько преподавателей кадетского корпуса. Публикация их имен сопровождалась заявлением, что они расстреляны из мести за погибших партизан, что вызвало протест советских представителей СМЕРШ. Расстрелянных похоронили на скотомогильнике со стороны р. Неры [33, с. 89–91; 38]. В начале декабря местное немецкое население было заключено в лагерь. Помимо них в лагере оказалось и все русское население Белой Церкви. В начале января без объяснения причин были расстреляны четыре преподавателя кадетского корпуса. Лишь весной 1945 г. русским жителям Белой Церкви разрешили вернуться домой [33]. В октябре 2013 г. на месте, где застрелили убитых без суда русских эмигрантов, был воздвигнут памятник.

Кроме фильтраций, индивидуальных арестов, внесудебных казней и массовых временных интернирований в лагерь, русскую эмиграцию затронула и волна конфискации, которым подвергались все люди, отсутствовавшие с места жительства без разрешения новой власти. Согласно статье 28 Закона о конфискации, народные комитеты должны были изъять имущество военных преступников и врагов народа: застреленных, убитых, погибших или бежавших во время войны. Суд не должен был расследовать, действительно ли кто-то был застрелен, убит, сбежал или умер, потому что это была исключительная компетенция ГНО [39]. Речь шла не только о конфискации имущества, но и об аннулировании договоров о купле-продаже с апреля 1941 г., по которым они передавали свое имущество третьим лицам. Фактически все движимое и недвижимое имущество русского населения было девальвировано, делая беженцев малоимущими и крайне уязвимыми [40].

Итак, советские структуры госбезопасности, действовавшие на территории освобожденной Югославии, были более избирательными в применении репрессий по сравнению со своими югославскими коллегами, поскольку СМЕРШ руководствовался некоторыми формальными ограничениями и прежде всего оперативным интересом. Противостояние «добраго» (СССР) и «злого» следователя (органы госбезопасности ФНРЮ) осталось в отношении к эмигрантам неизменным вплоть до периода конфликта Сталина и Тито в 1948–1953 гг. Тогда же состоялся обмен дипломатическими нотами между СССР (25 июля, 18 августа 1949 г.) и Югославией (30 июля 1949 г.) Югославская сторона настаивала на коллаборационизме русской эмиграции в годы Второй мировой войны. Советская сторона заявляла, что последовательные коллаборационисты ушли вместе с немцами до осени 1944 г., а оставшееся в стране молчаливое большинство – сторонники левых идей, в чьих рядах были сочувствующие СССР и его союзникам. Таким образом Москва поддержала позицию ССП [41, с. 15–26]. Не стоит при этом забывать, что советские представители вступались за бывших эмигрантов не из-за того, что волновались о судьбе соотечественников. Они защищали их по мере возможности, рассматривая лишь как инструмент, который можно было бы использовать для влияния внутри Югославии [8].

Список литературы

1. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 128–137.

2. Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац: Дечје новине, 1990. 300 с.
3. Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославию // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161.
4. Косик В.И. Русская Югославия. Фрагменты истории 1919–1944 годов // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32.
5. Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова, I–II. Београд: Филолошки факултет, 1994. I Књ. 314 с. II Књ. 326 с.
6. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану: (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 559 с.
7. Арсеньев А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саде. М.: Русский путь, 1999. 253 с.
8. Тимофеев А.Ю. Последние годы русской эмиграции в Югославии: 1941–1954 гг. – исторический опыт // Шемякинские чтения. Выпуск 2. Вопросы истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета: Архив Сербской православной церкви: Русский научный институт, 2023. С. 278–301.
9. Тимофеев А.Ю. Трансформация русских православных приходов в Сербии в послевоенное десятилетие // Историки-слависты МГУ: Книга 16: Полвека служения кафедре славян. К 80-летию профессора Геннадия Филипповича Матвеева. Научный сборник. Труды исторического факультета МГУ. Вып. 247. Серия II: Исторические исследования, 170. М.: Исторический факультет МГУ (Степаненко изд.), 2023. С. 293–398.
10. ДАС (Державный архив Сербии). Ф. БИА. Д. III-42. Папка III.
11. Тимофеев А.Ю. Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. 394 с.
12. ДАС. Ф. БИА. Д. V-59. Папка I.
13. Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
14. ДАС. Ф. БИА. Д. V-61. Папка I.
15. ДАС. Ф. БИА. Д. I-248. Папка I.
16. Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997. Т. 4 / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2007. 699 с.
17. ДАС. Ф. БИА. Д. I-254. Папка V.
18. Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного / Сост. В.Г. Макаров, А.В. Репников, В.С. Христофоров. М.: Книжница: Русский путь, 2010. 472 с.
19. Шульгин В.В. Тени, которые проходят. СПб.: Нестор-История, 2012. 685 с.
20. Рыбас С.Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014. 542 с.
21. ИАБ (Исторический архив Белграда). Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 1718.
22. ИАБ. Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 1866.
23. ИАБ. Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 997.
24. Државна комисија за тајне гробнице убијених после 12. септембра 1944 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komisija1944.mpravde.gov.rs/> (дата обращения: 10.08.2024).
25. ИАБ. Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 1008.
26. Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 10.08.2024).
27. Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М.: Рейтар; Форма-Т, 2009. 526 с.
28. ДАС. Ф. БИА. Д. III-38. Папка I.
29. ДАС. Ф. БИА. Д. I-55. Папка VI.
30. ДАС. Ф. БИА. Д. I-137. Папка I.
31. Слуцкий Б.А. О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. 283 с.
32. Павлов Б.Л. Руска колонија у Великом Бечкерек (Петровград, Зрењанин). Зрењанин: Народни музеј: Обшество сербско-руској дружбы, 1994. 104 с.
33. Мордвинкин Ю.Б. Белогвардейцы: Автобиографическая повесть. [Б.м.]: [Б.и.], 1997. 243 с.
34. Седьмая кадетская памятка юбилейная. 1920–1995. Нью-Йорк: Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом, 1997. 461 с.
35. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 401. Оп. 9511. Д. 438.
36. ЦАМО. Ф. 401. Оп. 9511. Д. 437.
37. Момчиловић Ђ. Банат у народноослободилачком рату. Београд: Војноиздавачки завод, 1977. 618 с.
38. Дневниковые записки А.Г. Генералова // Денисов Н.В. Огненный крест: Повествования. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 415 с.
39. ИАБ. Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 885.
40. ИАБ. Ф. Конфискација имовине народних непријатеља. Д. 905.
41. Ноты советского правительства Югославскому правительству (11, 18, 29 августа, 28 сентября 1949). М.: Политиздат, 1949. 48 с.

RUSSIAN EMIGRANTS IN SERBIA IN THE FIRST MONTHS AFTER LIBERATION 1944/1945

A.Yu. Timofeev

The paper based on the archival collections of the State Security Directorates of Serbia and Belgrade discusses the issue of the fate of the Russian emigration in Serbia in the first months after the country's liberation from the German occupiers. The

procedure of the initial filtration by «Death to spies» and the subsequent work of Yugoslav counterintelligence are analyzed thoroughly. The author comes to the conclusion that the Soviet structures in the liberated Yugoslavia did not resort to mass repressions and worked both quickly and professionally. Moreover, Soviet officers and diplomats spoke out in defense of the Russian emigrants, believing that consistent collaborators left with the Germans before the fall of 1944, and the general populace remaining in the country were supporters of leftist ideas and a silent majority, in whose ranks there were illegals and sympathizers of Tito's partisans and the USSR. The first year after the liberation of Serbia was difficult, but most emigrants were able to survive it and adapt to the new government in Yugoslavia.

Keywords: Soviet-Yugoslav relations, Russian emigration in Serbia, history of state security agencies, early history of the Cold War.

References

1. Tesemnikov V.A. Russian emigration in Yugoslavia (1919–1945) // Questions of History. 1982. № 10. P. 128–137.
2. Đurić O. Russian literary Serbia 1920–1941. Writers, circulars, publications. Gornji Milanovac: Dečje Novine, 1990. 300 s.
3. Pisarev Yu.A. Russian emigration to Yugoslavia // New and modern history. 1991. № 1. P. 151–161.
4. Kosik V.I. Russian Yugoslavia. Fragments of the history of 1919–1944 // Slavic Studies. 1992. № 4. P. 20–32.
5. Russian emigration in Serbian culture of the twentieth century. Journal of works, I-II. Belgrade: Faculty of Philology, 1994. I Vol. 314 s.; II Vol. 326 s.
6. Jovanović M. Russian emigration in the Balkans: (1920–1940). Belgrade: Čigoja Press, 2006. 559 s.
7. Arsenyev A.B. At the bend of the Danube: Essays on the life and activities of Russians in the New Garden. M.: Russkiy Put Publ., 1999.
8. Timofeev A.Y. The last years of Russian emigration to Yugoslavia: 1941–1954 – historical experience // The Shemyakin readings. Issue 2. Issues of the history of Central and Southeastern Europe in the 19th–21st centuries. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Belgrade: Center for the Study of Russia and Eastern Europe named after M. Jovanovich Faculty of Philosophy of the University of Belgrade: Archive of the Serbian Orthodox Church: Russian Scientific Institute, 2023. P. 278–301.
9. Timofeev A.Y. Transformation of Russian Orthodox parishes in Serbia in the post-war decade // Historians-Slavists of Moscow State University: Book 16: Half a century of service to the Department of Slavs. On the 80th anniversary of Professor Gennady Filippovich Matveev. Scientific collection. Proceedings of the Moscow State University Faculty of History. Issue 247. Series II: Historical Research, 170. M.: Faculty of History of Moscow State University (Stepanenko ed.), 2023. P. 293–398.
10. IAS (Imperial Archive of Serbia). Coll. BIA. Fol. III-42. Folder III.
11. Timofeev A.Y. The Russian factor: The Second World War in Yugoslavia. 1941–1945. M.: Veche, 2010. 394 p.
12. IAS. Coll. BIA. Fol. V-59. Folder I.
13. Russian refugees. Problems of resettlement, return to the Homeland, regulation of the legal situation (1920–1930s): Collection of documents and materials / Comp. Z.S. Bocharova. M.: ROSSPEN, 2004. 400 p.
14. IAS. Coll. BIA. Fol. V-61. Folder I.
15. IAS. Coll. BIA. Fol. I-248. Folder I.
16. The Forgotten Graves: Russian abroad: obituaries 1917–1997. Vol. 4 / Comp. V.N. Chuvakov. M.: Pashkov House, 2007. 699 p.
17. IAS. Coll. BIA. Fol. I-254. Folder V.
18. Vasily Shulgin's prison odyssey: materials of the investigative case and the prisoner's case / Comp. V.G. Makarov, A.V. Repnikov, V.S. Khristoforov. M.: Knizhnitsa: Russian Way, 2010. 472 p.
19. Shulgin V.V. Shadows that pass. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 685 p.
20. Rybas S.Y. Vasily Shulgin: the fate of a Russian nationalist. M.: Molodaya Gvardiya, 2014. 542 p.
21. HAB (Historical Archive of Belgrade). Coll. Confiscatija imovine narodnih nedjate. Fol. 1718.
22. IAB. Coll. Confiscatija imovine narodnih nedjate. Fol. 1866.
23. IAB. Coll. Confiscatija imovine narodnih nedjate. Fol. 997.
24. The Commission for the tomb of the Dead after September 12, 1944 [Electronic resource]. URL: <http://www.komisija1944.mpravde.gov.rs/> (Date of access: 10.08.2024).
25. IAB. Coll. Confiscation of property in the name of people's property. Fol. 1008.
26. Volkov S.V. Database «Participants of the White Movement in Russia» [Electronic resource]. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (Date of access: 10.08.2024).
27. Volkov S.V., Strelyanov (Kalabukhov) P.N. Ranks of the Russian Corps: A biographical reference in photographs. M.: Reitar; Form-T, 2009. 526 p.
28. IAB. Coll. BIA. Fol. III-38. Folder I.
29. IAB. Coll. BIA. Fol. I-55. Folder VI.
30. IAB. Coll. BIA. Fol. I-137. Folder I.
31. Slutsky B.A. About others and about oneself. M.: Vagrius, 2005. 283 p.
32. Pavlov B. L. Russian colony in Veliki Beckerek (Petrovgrad, Zrenjanin). Zrenjanin: National Museum: Russian-Serbian Friendship Society, 1994. 104 s.
33. Mordvinkin Yu.B. The White Guards: An autobiographical novel. 1997. 243 p.
34. The seventh anniversary cadet memo. 1920–1995. New York: Association of Cadets of the Russian Cadet Corps Abroad, 1997. 461 p.
35. CAMD (Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation). Coll. 401. Aids 9511. Fol. 438.
36. CAMD. Coll. 401. Aids 9511. Fol. 437.
37. Momchilovich B. Banat in the people's liberation war. Belgrade: military publishing Institute, 1977. 618 s.
38. Diary notes by A.G. Generalov // Denisov N.V. Fiery Cross: Narratives. Yekaterinburg: Cultural Information Bank, 2007. 415 p.
39. IAB. Coll. Confiscation of the estate of the people of nejate. Fol. 885.
40. IAB. Coll. Confiscation of the estate of the people of nejate. Fol. 905.
41. Notes of the Soviet government to the Yugoslav government (August 11, 18, 29, September 28, 1949). M.: Politizdat, 1949. 48 p.